

Художник Е. Станикова

Расскажу — не помилую!

ФАНТАСТИКА

Петрок Дивинильзон оборотился котом — легче легкого. Расплылись буквы на странице, зашумело в ошетинившихся ушах, пол мягко пришелся под лапы.

Первым делом оглянулся — особенно хотелось, чтобы хвост вышел ладным. Там, сзади, все оказалось весьма достойно. С невыразимым удовольствием оборотень погоял мышцы волнами вдоль хребта под переливчатой шерстью, выпустил и втянул когти.

Хорошо быть котом в расцвете сил!

Трехнедельный курс оборачивания прописал Петроку личный врач, ибо Дивинильзон жил слишком рьяно и от многих трудов ослабел. Стал видеть тяжелые сны, где все складывал и вычитал, извлекал квадратный корень, а корень тянулся и ничем не оканчивался. А иногда, бывало, вычисленный по всем правилам расход оборачивался потопом, и кубометры в час неслись, будто стадо диких ослов, заливали с головою... Петрок просыпался в отчаянии и до утра лежал неподвижно, не в силах поверить, что все хорошо и потопа не будет.

Дневные дела от такой напасти пошатнулись. Вот Петрок и подался к врачу. А получив от него предписание, купил специальное, семикратно опечатанное пособие — и сразу расстроился. На двадцати страницах предлагалось больному обернуться на выбор: и птицей Грух, и зверем Андриком, и китохвостым Тритоном с торсом чемпиона по телосложению. Допустим, против Груха или роскошной Квамы Петрок ничего не имел, но ведь какая мука — выбирать! А всеми не перебудешь — вместо отдыха получится такая ерунда... И только на странице пятнадцатой уронил книгу Дивинильзон — ахнул и задрожал.

Там был кот.

А котов наш вычислитель расходов любил. Не то чтобы дома держать воздушно-толстого мохерового или же голопузого ушастого кимру — нет. Однако на улице, если видел, как ловкая тварь в неприметную полосочку выслеживает воробья, кончиками усов примечая все остальное, тогда и Петрок замирал, выжидая исхода. Или когда двое бойцов несутся, распушив хвосты, выкликая «уау!», и схватываются не на шутку на заборе — тогда и сам Петрок чуял, как шевелятся пальцы — схватить и р-р-растерзать! А уж когда попадалась ему в жаркий полдень скромно лежащая в тени кошачья молодка — как не остановиться, не порадоваться тому, до чего все в зверице соразмерно и плавно: ни тебе толстобедрия, ни кривоногости, ни глупо-любопытства в томных очах!

Потому-то и запрыгало сердце Дивинильзона: на картинке кот был — красавец. И как раз в Петрокову масть — рыжий, да еще эти черепаховые подпалины. Хвост столбом. Глаза — как это — яхонтовые? В общем, что надо глаза.

Более над выбором Петрок не раздумывал.

Для лечения Дивинильзон снял себе подходящий заброшенный домик с немногими удобствами и даже не вспоминал о том, что он — приличный человек. Ему не пришлось учить длинные заклинания или соблюдать нелепые гейсы — вроде того, что нельзя смеяться, будучи в облике зверя. Это все сказки. Формулу Петрок принял внутрь в виде пилюльки, а для осуществления действия пересек магнитные линии, перекинувшись через особый ножик. Петрок намеревался быть котом, если понравится, хоть все три недели без перерыва. Ни врач, ни лечебное пособие на этот счет никаких запретов не оговаривали.

Впервые за много лет он был свободен!

Радость словами не выразить. Он только подумал, что драться в первый день не станет: с этим всегда успеется, а нынче будет просто гулять, поймает что-нибудь мелкое для пропитания и просто освоится в роскошной шкуре.

Исполнилась тайная мечта вычислителя — и не когда-нибудь там «в следующей жизни»... Ослепительно иной мир открылся ему с высоты полутора пядей. Все на диво поновому пахло, шуршало, переливалось. Глупые печали разом вылетели из головы — благо, теперь и места в ней было поменьше. И Петрок отправился гулять.

Между тем дела в мире шли своим чередом: за тридевять земель отсюда у народа чудинов и веринов случилась беда. Старый Имянем, хитрый и злющий, вождь без палки и царь без печати, занемог. А чудины и верины, именуемые по незнанию еще чучьверхами, чувырлами и чохами, вообще-то не болеют. Нечему у них, грибов каменных, болеть. А значит, ни лекарей, ни знающих бабок у этого народа в помине нет (да что я вам рассказываю: всем известно, что у чохов ни девиц, ни женок в заводе нет, а уж бабок и подавно). Потому Имянем долго сох и покрывался трещинами в небрежении. Соплеменники прониклись тревогой лишь после того, как вождь ни с того ни с сего рассыпал в прах троих добытчиков, а собранные ими разноцветные крышечки, которые так любила богиня, сокрушил и опоганил до неузнаваемости.

Тогда умельцы чудины, от греха подальше, связали вождя лучшими лыковыми плетенками и положили в нижние пещеры на сохранение, а быстроходы и скородумы верины отрядили самого смышленного в сорок первую землю — к ближним соседям тупорылым — авось те что-нибудь посоветуют. У тупорылых совет был даровой, на то в племени содержался широковещательный дух в бутылке. Как он к тупорылым попал — это история путаная, не место и не время тут об этом рассказывать. Разбуженный дух померцал, покочевряжился для виду и поделился знанием.

Скучает ваш вождь, сказал мудрец из бутылки. А лечить скуку надо, молвил потом, всякими диковинками.

Какими же, о мудрейший за стеклом?

Мы начинаем публиковать рассказы победителей конкурса фантастики «Химии и жизни», который проходил в интернете, на сайте «Самиздат» при Электронной библиотеке Максима Мошкова (zhurnal.lib.ru). Первое место заняла Юлия Сиромолот (Украина). Юлия живет в городе Ясиноватая Донецкой области. В «Химии и жизни» она печатается не впервые — в № 6 за 1997 год была подборка ее стихов. Кстати, совсем недавно вышла в свет повесть Юлии Сиромолот и Андрея Максименко «Ветер на дне колодца» (Екатеринбург, «У-Фактория», 2004).

Ишь чего захотели! Все вам расскажи!
И с тем свернулся дух, замолчал.

Чесал в затылке озадаченный веринский посол. Вздыхал и разводил ручищами старейшина тупорылых. Склонил в печали пеньковые головы весь чувырловский народ.

Что за диковинки такие? Где обитают?

Посол, доложив весть, не поел даже сосновой лапши с дороги — тут же помчался в другую сторону, а потом и на все четыре: искать известного во всех надесятих землях ходока и любомудра — деда Зная.

Нашел.

Знай торопиться с ответом не стал. Сварил и опростал горшок каши, скурил три дымогарки из яблоневого листа, посла угостил пареной соломою. Вынул с полки толстую книгу, развернул, показал, какие бывают чудеса.

Увидел изумленный посол такое, чего после толком описать не умел, больше показывал — вот тут будто куст, и так сверкает, и сяк, и оттуда на длинной ветке — смотрит!

— Да кто смотрит-то? — спрашивали чудины.

И посол, морща острый нос, гордо отвечал:

— Жар-птица!

А еще, рассказывал посол, другая там была диковинка — зверь маленький, толстенький, хитроглазый. Сидит важно на хвосте, поднявши кверху когтистые лапы, а кругом всякий люд толпится, разинув рты — слушает.

Кот-баюн называется это чудо.

А еще есть рыба-кит.

А еще единорог...

Тут среди народа поднялся шум и гвалт. Посла за лишнее рвение закидали гнилушками, потому что чудины и верины — не нищие, это известно, но даже если они все сокровищницы выметут под метелку — кто же отдаст им и рыбу, и птицу, и зверей?

Долго кричали, долго спорили, пока наконец один старый верин не проскрипел: кидайте жребий, каменные головы!

Кинули жребий случайно уцелевшей священной крышечкой, впопыхах забыли придумать — на что? Смутились, поостыли, бросали опять, и отправился в дальний путь чудин-молодец, чтобы не помер вождь лютой смертью — от скуки.

Петрок сидел на каменном заборе рынка, сладко жмурился. После бурной ночи радовал его утренний свет, и молодое солнце тоже щурилось — будто там, за тополями, разлегся свой брат кот, довольный жизнью. Петрок лениво выпускал и втягивал когти — с солнцем не позадираешься, высоко!

И насторожился вдруг — поймал чей-то взгляд. Уж не Глазун ли из рыбного ряда — вздорный, жадный, бесхвостый,

весь в чешуе? Ему только повод дай — драться не станет (куда ему, старый уже!), зато испортит отдых настырными криками и смрадом.

Нет, старика не видно. Из своих братьев только серенький котенок толстой Мальвы копался в земле под деревом.

Кто же это поглядел — недобро так? Может быть, ворона? С воронами Петроку связываться тоже не хотелось. Враги они оказались сильные, страшные. Но и ворон поблизости не было, все с первым солнцем подались на свалку.

В общем, никого. Или пролетел кто — высоко в небе, только мимоходом задел чутье? Петрок опустил голову на лапы, прикрыл золотые глаза.

Внизу, под забором, от каменного столбика отделилось что-то почти невидимое, юркое донельзя, шмыгнуло у первых хозяек под каблуками, скрылось в пыли.

Раскалилась от солнца базарная площадь, разболелась от шума и вони курчавая голова у горца, разомлели в плетеных клетках его гусыни и гусаки. Задремал, подергивая лапой, привязанный к столбу индейский петух. Не петух — петушище; пока не сморила его жара, все поглядывал злым стеклянным глазом на гусынь, надувал перья на груди, пуская медные зайчики.

Горец уже и носом ткнулся в согнутую руку, как вдруг с той стороны прилавка выскочил кто-то. Пальцы корявые, личико сухонькое, голос скрипучий.

— Это что? — И пальцем ткнул в индюка.

— Нэ видиш, птыца! — сонно отвечал горец.

— Какая? Почему такая?

— Ай, птыца — зверь! Такая порода ей.

— Птица? Зверь? Может — жар?

— А хочэш — жар, хочэш — вары, только забирай, да? Всех ганял, бабу мою ганял — забирай!

— Заберу, — пискнул полуденный не пойми кто.

Нагнулся сын вершин, с опаской отвязал «зверь-птицу», спутал лапы и поставил на прилавок. Тщедушного покупателя продавец не увидел, ахнул, ругнулся, то ли моргнул, то ли от злости в глазах помутилось: глядь, а уж индюка и нет. А на прилавке камешек лежит, зеленю переливается, и кучка тяжелого золотого песка.

Ну и дела!

Из рыбного ряда хозяйской походкой вышел Петрок. Он был сыт. Солнце играло на рыжей морде. Кот-оборотень сел в стороне от людских ног, степенно занялся гигиеной. Он вылизывал шерсть, урчал, заводил глаза от удовольствия. Шла вторая неделя кошачьего бытия, и Петрок все еще был очень доволен. Никакого обмана или смуты не было в жизни мелкого хищника, и все служило ему преотлично — и золотые глаза, и розовый нос, и уши, и хвост, и когти, да и прочее... Вылизавшись, Петрок уже чувял в теле священную лень, но то ли перцем потянуло

откуда-то, то ли что другое отвлекло. Ах! Что это там сверкает белым огнем? Любопытство — кошачий грех. Петрок потянулся, скорчил притворно равнодушную гримасу и отправился посмотреть.

Привезли и сгружали возле хозмага зеркала. В яростный полдень от них шла прохлада, солнце в их серебряном нутре становилось изжелта-белым, ледяным. В тени навеса зеркала подергивались вечерней синью. На убитой земле перед входом плескались световые пятна, как от воды.

Петрок подошел поближе, тронул лапой прыгучее отражение — словил свою же тень. Повернул голову — ах, вот он, во всей красе! И, ступая легче перышка, стал еще поближе. Никогда раньше он этим не соблазнялся (дело женское — во всякое отражение глядеться), но теперь! Приказчик кинулся напугать дерзкое животное, но Петрок и ухом не повел. Оборотня одолело озорство: он плавно, будто дева в модном платье, прошелся туда-сюда, показывая стати, затем принялся играть глазами, придавая морде то грозное выражение тигра, то равнодушные статуэтки египетской, то блаженно их закатывал, точно божок страны Ни Пхон.

Приказчик замер, дивясь на такое. Грузчик опустил ношу. Две покупательницы вышли из ювелирного ряда и тоже остались глядеть на чудо.

Петрок чувствовал что-то (был бы человеком, сказал бы: хмельное), веселый дух будто щекотал в подбрюшьи.

Он поднялся на задние лапы и пошел гоголем. Народу собралось уже человек десять — все ахнули. Петрок, подбоченясь, гордо оглядел искривленные зеркалом рожи зевак и провел когтями по усам.

Быть бы и от этого крикам, шуму и базарному столпотворению, но тут случилось такое, что и рассказать-то не выйдет внятно.

Петрок, застывший эдаким котом в сапогах — без обуви, но с приличной осанкой; разинутые рты и выпученные глаза; одна из дамочек, хватая ртом воздух, вот-вот свалится в обморок; и что-то непонятное, незаметное, темный ком какой-то, вихрь.

Опомнились — никакого чудо-кота, только зеркало разбитое — черной звездой да три смятых пера на земле.

Ну, и дамочка — само собой, в обмороке.

Когти не помогли. И зубы — чуть не сломал их, пытаюсь разорвать вора. Казалось, будто снится страшный сон (не кошачий, но и не человеческий ведь), как в один миг полдень на воле сменился душной пещерой, где едва разгоняли тьму гнилушки в зубах у статуй. А приглядеться — так и не статуи это. Хотя и похоже, будто рубил их из сырого камня полупьяный неумеха, однако же глазками они лупают, пальцами кривыми на пузе шевелят, а

иногда и пятаку о пятаку почесывают.

Петрок очутился в плену: подземелье, живые каменные стражи, а у него — клетка-плетенка из толстенных прутьев, а рядом привязан за ногу — но все же без клетки! — злой индейский петух. Петроку Дивинильзону было худо, он и петуху завидовал, и сторожей боялся, и мучился от тесноты. И голод его терзал, потому что еда поганых демонов-похитителей никак для кота не годилась: лапша из коры да желуди с ряской.

Но хуже всего было другое. Стоило Петроку смежить веки (а что еще делать коту, когда делать нечего?), как подступали тревожные видения. Поначалу он дурного не предчувствовал (мало ли что, сон — отрада пленника), но эти...

Ох, эти!

Ему снился блеск, острый блик, будто рыбка упала с весов и бьется на земле... но это не рыбка — то нож!.. Ах нет! Это месяц, узенький месяц, тот, что вышел из тумана, а уж у него в кармане ножик...

Не с первого такого сна, но очнулся в ужасе: выйдет в небо узкий месяц, вынет ножик, чтобы Петроку из оборотня стать опять человеком — а нету! Нету ни кота, ни человека — унесен в далекую страну, в края неизвестные.

Между тем вождю Имянему стало совсем худо. Вытащили его из сохранения — а он уже и крошиться кое-где стал, и все пальцы пообглаживал, и правый глаз у него сделался страхом в ночи. И это сверх меры огорчало чудинов и печалило веринов, а тут еще новая загвоздка: диковинки-то — вот они, а как ими вождя лечить, непонятно. Подвесили посла кверху пятками — верещит, а ни в чем не признается: не знаю, и все тут!

Послала вызов Знаю — дорого, а что делать! Пока посол на одной ножке доскачет... а вызов чуть не позади ответа бежит, если с толком отправлен.

Ждали, беспокоились, а старик (он сморкался как раз, когда вызов настиг) прочистил ноздри (гул пошел по всему чудинскому и веринскому подземелью), сунул мудрую голову в умывальную бадью и все непутевым короодам рассказал. Жар-птице, пробулькала, сиять положено и петь песни бодрым голосом, а коту-баюну — сказки сказывать.

Вот тут беды и начались. Жар-птица во тьме сиять отказывалась, даром что приставленные к ней верины натерли каждое ее перо своими наждачными ладошками (ох и потрепал же их петушище: кого в глаз, кого в пуп, кого ногой промеж хилых плечиков... но они ведь упорные!). Орал петух, правду сказать, много и охотно, но это разве пение?

Тогда приступили к баюну. А что баюн? Петрок Дивинильзон, измученный страхом и голодом, и рад был бы что сказать, но заклятие не пускало.

ФАНТАСТИКА

Худо было Дивинильзону, потому что неумолимо подходил срок и кошачье бытие истончалось, но кот оставался, привязанный волшебной пилюлькой, — разрезать же заклятие было нечем.

Когда был котом — просто боялся. Когда же судорожно, толчками прорывался в самого себя — тогда боялся так, что тут же и назад, в темноту, в глубину кошачьего мозжечка — и там сидеть, и будь что будет!..

И так метался — ни туда, ни сюда. Сбежать бы, мчаться прыжками по сырой траве — да с чего он взял, что там трава? Тьма там кромешная да тридевять границ... но мчаться и все-таки найти тот заветный ножик, перекинуться, спать в постели, есть досыта...

Но зорко стерегли его каменные чудины, и надолбами поперек пути — стражи-верины, и болота дымились, и леса росли — не для него.

Ослабевший кот-оборотень лежал в клетке пластом. И даже не пошевелился, когда индюк просунул сквозь прутья наглый клюв. Грозный петух разгуливал по пещере, сколько позволял лыковый поводок. Сытая, толстая, медная птица-самовар с кровавым глазом и отвратительной кишкой под носом. Ну, клюнь меня, вяло подсказал Петрок мысленно, ведь хочешь же клюннуть, а когтей моих боишься. Не хватает мозгов понять, что я и пальцем, и лапой, все равно ничем не пошевелю.

Индюк прицелился, дунул для острастки в кишку — передумал, что ли? Погреб ногой, притворился равнодушным, отошел.

Петрок, замороженный голодными спазмами и потусторонним шумом в ушах, не видел, что случилось затем.

Очнулся от того лишь, что ужасная тяжесть рухнула на него. Клетка зашаталась, прутья треснули. Как ни слаб был

оборотень, но кошачьи девять жизней помогли. Петрок шарахнулся, заскреб задними лапами, изловчился — и прямо перед собою увидел медные перья, и гребень, и кишку.

Петух корчился, плескал крыльями, дрыгал чешуйчатой лапой, клекотал. Петрок зашипел, но птице было не до того. Она задыхалась. Жадина индюк подавился желудем, и приходил ему конец.

Стражи ничего и понять не успели, петух еще дернул пару раз шпорами, кашлянул — и затянул глаза пленкой. Сдох.

А у оборотня шерсть на хребте стояла дыбом, но чуть ли не страшнее вражьи когтей и клюва оказалась простая мысль: да это же еда... Перед Дивинильзоном (вычислителем в теле рыжего кота) лежала пища. Живая. Теплая. Не добыча, конечно, но и не падаль еще. Тьфу, о чем я! — нервно всхлипнул вычислитель, и кот одержал верх.

Злой кот, одуревший кот подскочил на слабых лапах, вцепился в шею. Ни о чем не думал — шматовал бедного петуха, захлебывался, жалел по-кошачьи, не по-человечески, что такую тушу ни в жизнь не сожрать...

Но вот что странно. Пока он хлебал, и грыз, и давился, что-то происходило, словами не объяснить. Урчащий кот отступал, засыпал, что ли, побежденный едой, — и поднял измазанную кровью, в перьях и пуху морду. И утерся, и облизал лапу. И зыркнул на стражей заблестевшими дерзкими глазами — чудо-зверь, кот — не кот, но и не прежний вычислитель расходов!

— Эй, вы, пятки каменные! — крикнул им, сначала хрипло, но тут же звонче, крепче стал голос. — Эй! Ну, где там ваш старый хрыч, которому сказки! Теперь-то я ему все расскажу!

Расскажу, расскажу — не помилую!